

УДК 343.2/.7

DOI 10.36511/2078-5356-2019-4-125-131

**Долгиева Мадина Муссаевна
Madina M. Dolgieva**

кандидат юридических наук, старший прокурор отдела государственных обвинителей уголовно-судебного управления

Прокуратура Московской области (107996, Москва, Малый Кисельный переулок, 5)

candidate of sciences (law), senior prosecutor of the department of public prosecutors of the criminal judicial department

Prosecutor's office of the Moscow region (5 Maly Kiselyny lane, Moscow, Russian Federation, 107996)

E-mail: novator111@mail.ru

**Проблемы квалификации преступлений,
совершаемых в сфере оборота криптовалюты**

**Problems of qualification of crimes committed
in the sphere of cryptocurrency turnover**

Статья посвящена проблемам квалификации различных видов хищений криптовалюты, хищений денежных средств, совершаемых с использованием криптовалюты. Рассматриваются преступления, связанные с незаконным сбытом наркотических средств за криптовалюту и ставится вопрос об отсутствии при этом в деянии состава преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ. Автором исследуются понятия криптовалюты и имущества в рамках существующих научных мнений и анализируется разносторонняя судебная практика, которая, в частности, имеет тенденцию к причислению криптовалюты к видам имущества. Цели и задачи исследования заключаются в определении круга признаков и свойств предметов преступлений, совершаемых с использованием криптовалюты, а также совершаемых в отношении криптовалюты как объекта посягательства. При подготовке статьи использовались, в основном, формально-логические методы, в результате чего автор анализирует социально-правовые явления. Автор делает вывод о том, что основным признаком оценки предмета преступления, совершаемого в сфере оборота криптовалюты, является наличие его имущественных и стоимостных характеристик, возможность определения ущерба в целях правильной квалификации содеянного. Обосновывается вывод о том, что криптовалюта может являться предметом коррупционного преступления на основании научно обоснованного мнения о наличии оплаченного характера выгоды, которую предоставляют криптовалюты. Аргументировано мнение о том, что действия, связанные со сбытом наркотических средств и психотропных веществ за криптовалюту, и последующие

действия по переводу криптовалюты в фиатные денежные средства не образуют состава преступления, предусматривающего ответственность за легализацию доходов, полученных преступным путем.

Ключевые слова: криптовалюта, хищение криптовалюты, мошенничество, легализация.

The article is devoted to the problems of qualification of various types of theft of cryptocurrency, theft of funds committed using cryptocurrency. The article deals with crimes related to the illegal sale of drugs for cryptocurrency and raises the question of the absence in the act of the offense under article 174¹ of the Criminal code of the Russian Federation. The author studies the concepts of cryptocurrency and property within the framework of existing scientific opinions and analyzes the versatile judicial practice, which, in particular, tends to classify cryptocurrencies as types of property. The goals and objectives of the study are to determine the range of features and properties of the objects of crimes committed with the use of cryptocurrency, as well as committed against the cryptocurrency as an object of infringement. In the preparation of the article, mainly formal logical methods were used, as a result of which the author analyzes social and legal phenomena. The author concludes that the main feature of the evaluation of the object of crimes in sphere of circulation of cryptocurrency, is the presence of his property and cost characteristics, the possibility of determining the damage for the proper qualification of the offense. It is concluded that cryptocurrency may be the subject of corruption offenses on the basis of scientifically substantiated opinions about

© Долгиева М.М., 2019

the presence of the paid nature of the benefit provided by the cryptocurrency. It is argued that the actions associated with the sale of narcotic drugs and psychotropic substances for cryptocurrency and subsequent actions to transfer cryptocurrency to Fiat money do not form part

of the crime providing for liability for the legalization of proceeds from crime.

Keywords: cryptocurrency, theft of cryptocurrency, fraud, legalization.

Активная глобализация виртуального пространства и электронных финансовых технологий обусловила возникновение такого нового финансового инструмента, как криптовалюта. Широкое ее использование в криминальной среде является оборотной стороной развития технологического прогресса, с которым столкнулась правоохранительная система Российской Федерации. Пути запрета оборота криптовалюты остались в прошлом, судя по тенденции ее легализации как во всем мире, так и у нас в стране.

В условиях таковых реалий в России до момента законодательного определения статуса криптовалюты необходимо сформировать правильную правоприменительную практику через закрепление квалификации криминальных посягательств в судебных решениях, определяя юридическую оценку содеянного на основании имеющихся норм.

В данной статье не будет ставиться вопрос о недостаточности действующих норм уголовного закона, однако на примере некоторых судебных решений будет сделан акцент на прикладных проблемах определения понятия и признаков предмета преступлений, при совершении которых так или иначе использовалась криптовалюта, и проблемах их квалификации.

Наиболее актуальным и спорным в данном случае вопросом для правоприменителей всегда выступает предмет преступления, когда речь идет о различного рода хищениях.

Официального понятия криптовалюты законодательство Российской Федерации не содержит, не определен также и ее правовой статус, соответственно спорным является вопрос о том, может ли вообще криптовалюта быть предметом хищения в привычном правоприменителю понимании этого слова.

В соответствии с Конституцией РФ денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Вместе с тем, информатизация кредитной системы обусловила появление инновационных способов расчетов с использованием различных платежных систем, например, Яндекс.Деньги, QIWI и др. Однако криптовалюта не является деньгами или средством платежа в Российской Федерации, так же как

и не является собственностью или иным имуществом.

Так, несмотря на то, что Центральный Банк РФ, ссылаясь на Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ, фактически набросил на криптовалюту ярлык денежного суррогата, при этом совершенно не раскрывая понятия последнего, рынок криптовалют продолжает существовать и саморегулироваться, а судебная практика развивается в совершенно непредсказуемых направлениях.

Безусловно, криптовалюта как экономический и инновационный феномен будет рано или поздно признана регулятором на федеральном уровне, однако до этого момента судебная практика, так же как и наука права, будут развиваться в абсолютно противоположных направлениях.

Основная проблема состоит в правильном понимании природы криптовалюты и принципов ее функционирования, которые должны быть разъяснены на законодательном уровне, или как минимум на уровне Пленума Верховного Суда РФ, содержащего понятия и основные признаки криптовалюты, определяющие ее статус в России.

В зарубежном законодательстве в большинстве европейских стран, в США, Канаде, Японии, Австралии криптовалюты имеют определенный статус, и вопросов как в сфере экономических расчетов, так и в сфере уголовной политики не возникает [1]. В Японии, например, криптовалюты включены в финансовый оборот наряду с национальной денежной единицей йеной.

Между тем криптовалюта представляет собой математический код и сама по себе стоимости не имеет, природа ее неосязаема, при этом эмиссия криптовалюты децентрализована, что обусловлено принципами ее создания, то есть не существует какого-либо частного или государственного банка, выпускающего криптовалюту, или одного компьютера или сервера, генерирующего ее.

Необходимо констатировать, что криптовалюты, количество которых в мире достигает более чем 6 тыс. видов, имеют соответствующую

цену, определяемую их курсом, который, в свою очередь, устанавливается участниками криптовалютных отношений на специализированных криптовалютных биржах.

Отдельные специалисты отмечают, что криптовалюта — это платежные средства, существующие в электронной форме и фактически представляющие собой зафиксированную на электронном носителе информацию, которая зашифрована средствами криптографии [2, с. 3].

Технологическая платформа, на которой строится соответствующая платежная система (специальное программное обеспечение), функционирует на принципах децентрализации, то есть процесс эмиссии криптовалют происходит в автоматическом режиме, подчиняясь определенным алгоритмам программы, при этом число компьютеров в сети может быть не ограничено. Эмиссия криптовалют привязана к лицам, инициирующим процесс их добычи (майнинга) путем эксплуатации имеющихся процессоров.

В отличие от монопольной централизованной эмиссии национальных валют, выпуск криптовалют является частной инициативой, соответственно их стоимость определяется частным сообществом на криптовалютных биржах, представляющих собой специализированный интернет-сайт, на котором пользователи покупают или продают криптовалюту.

Таким образом, криптовалюта представляет собой совокупность последовательных записей в программе, которые отражают информацию обо всех транзакциях, совершенных с ее использованием.

Иное значение имеют токены (монеты) криптовалюты, представляющие собой цифровой ключ (код), являющиеся по сути долговым обязательством, в котором создатель проекта обязуется владельцу этого токена предоставить какой-то товар или услугу [3, с. 269].

Покупая криптовалюту или токены, субъекты таких правоотношений вкладывают реальные деньги, таким образом хищение криптовалюты в том или ином виде причиняет вполне реальный осязаемый ущерб.

В этой связи правоохранительные органы, а затем и суды сталкиваются с рядом сложностей при определении ущерба, причиненного хищением криптовалюты или токенов.

Так, приговором Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа от 13 ноября 2017 года осуждены Ш. и О. по части 3 статьи 159, части 3 статьи 272 УК РФ, похитившие у жителя Нижнего Новгорода криптовалюту бит-

коин. Согласно приговору суда Ш. и О., получив базу данных одного из форумов в сети «Интернет», осуществили неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации. Получив из вышеуказанной базы данных учетные данные пользователей, обвиняемые создали тему по обмену BTC-е кодов на российские рубли. Потерпевший передал имевшийся у него BTC-е код «BTC-E-USD-B609O46R-WK6TCN76-NXGU3RQ8-69VVG7GU-7FEBNUHD» на 10 тыс. долларов США, рыночная стоимость которого по состоянию на тот период времени, согласно заключению эксперта, составляла 821 100 рублей 00 копеек. Уголовное дело рассмотрено в особом порядке и в апелляционной инстанции не обжаловалось.

Однако, на наш взгляд, оценка ущерба, причиненного от хищения BTC-е кода, представляется весьма сомнительной, равно как и квалификация содеянного Ш. и О. по части 3 статьи 159 УК РФ, поскольку предметом преступления, предусмотренного статьей 159 УК РФ, может быть только имущество или право на имущество.

Является ли BTC-е код «BTC-E-USD-B609O46R-WK6TCN76-NXGU3RQ8-69VVG7GU-7FEBNUHD» имуществом?

Для совершения денежных операций с криптовалютой созданы специальные онлайн-платформы (биржи). BTC-е — ныне закрытая интернет-площадка торгов фиатными валютами и криптовалютами в реальном времени, ориентированная в первую очередь на русскоязычных пользователей. Данная платформа имела собственную внутреннюю валюту BTC-е код. По состоянию на март 2014 года занимала третье место по объему торгов на паре биткоин/доллар и первое на паре биткоин/рубли. Собственники биржи оставались скрыты. Летом 2017 года биржа была закрыта, ее серверы и активы, расположенные в США, арестованы ФБР.

Таким образом, судом был постановлен приговор о хищении путем обмана внутренней криптовалюты несуществующей криптобиржи. Это обстоятельство как минимум не вписывается в рамки сложившейся судебной практики.

Безусловно, нельзя отрицать, что ущерб потерпевшему от хищения вышеуказанного кода действительно был причинен, однако его размер и квалификация содеянного судом в должной мере не были проверены.

Представляется, что в данном случае в рамках особого порядка рассмотрения уголовного дела суд не мог вынести законный и обоснованный приговор без исследования доказательств.

Причиненный потерпевшему ущерб, а также квалификация по статье 159 УК РФ подлежали исследованию в общем порядке судебного разбирательства на предмет наличия состава преступления.

Теория уголовного права и судебная практика при всем ее разнообразии определяют установленные правила понимания предмета экономических преступлений, к которым законодатель, исходя из признаков составов преступлений, регламентированных нормами Особенной части УК РФ, относит имущество. В свою очередь, при определении понятия имущества в целях квалификации хищений необходимо руководствоваться существующими положениями гражданского законодательства Российской Федерации.

В теории российского уголовного права давно сложилась такая практика, что если вещь не обладает стоимостью, то незаконное завладение этой вещью нельзя назвать хищением [4, с. 56].

Следует согласиться с мнением В.В. Хилуты, что усложнение понятия хищения является неизбежным, так же как и расширение его признаков и все более активное вовлечение в его орбиту отношений по обороту имущества, которым свойственны не вещные, а обязательственные (в широком смысле слова) отношения (например, отнесение безналичных денег и бездокументарных ценных бумаг к предмету хищения) [5, с. 333].

С учетом того, что криптовалюта не относится ни к деньгам, ни к платежным средствам, ни к имуществу согласно нормам гражданского законодательства, суды находятся в ситуации правового вакуума, понимая, что состав преступления налицо, однако квалифицирован он быть не может.

В настоящее время в теории уголовного права появляется большое количество сторонников [6, с. 10; 7, с. 197; 8, с. 153] признания криптовалюты иным имуществом, от чего следует отталкиваться и правоприменителям, создавая соответствующую судебную практику, пока законодательно не будет установлено иное.

Анализируя понятие «имущество», для правильной юридической оценки применительно к криптовалюте как к предмету хищения органам, осуществляющим предварительное расследование, и судам необходимо устанавливать, действительно ли был причинен реальный ущерб, выраженный в денежном эквиваленте.

Так, например, сами по себе математические коды, сгенерированные компьютером в процессе майнинга, а затем похищенные с ука-

занного компьютера путем взлома электронных сервисов, подпадают под нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за преступления в сфере компьютерной информации (например, ст. 272 УК РФ). Однако переход криптовалюты в чужое обладание не свидетельствует о реальном ущербе собственнику, поскольку курс криптовалют, устанавливаемый частным криптовалютным сообществом, не может служить безусловным основанием и доказательством причиненного ущерба для суда.

Вместе с тем, объектом преступлений в сфере компьютерной информации являются общественные отношения, обеспечивающие безопасное использование ЭВМ, компьютерных систем и сетей [9, с. 269], но никак не отношения собственности. При этом реальный ущерб, выраженный в денежном эквиваленте, не может быть оставлен без внимания при квалификации преступлений, связанных с хищением криптовалюты, поскольку именно это основание предопределяет возбуждение уголовного дела.

Очевидно, что выполнение объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ, является лишь способом совершения основного преступления - хищения криптовалюты.

В связи с этим некоторые правоприменители пошли по пути квалификации соответствующих деяний по совокупности статьи 272 и статьи 159⁶ УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации), но и для такой квалификации необходимо наличие у виновного умысла на хищение именно имущества (денег), к каковым в настоящее время криптовалюта не относится. Практика применения статьи 159⁶ УК РФ формируется в основном из хищений денежных средств с банковских карт или расчетных счетов через использование неправомерного доступа к специализированным компьютерным сервисам. Но с учетом отсутствия законодательного определения правового статуса криптовалюты и нарастающего количества преступных посягательств в сфере ее оборота необходимо полагать, что такая юридическая оценка по статье 159⁶ УК РФ является наиболее приближенной по характеристикам состава преступления.

Можно было бы рассмотреть и иную квалификацию хищения криптовалюты, например, по статье 158 УК РФ (Кража), однако согласно традиционному пониманию уголовного закона, при том что в самом законе таких требований не содержится, предметом кражи может быть лишь осязаемая вещь, предмет материального мира [10, с. 244].

Также представляется невозможной квалификация хищения криптовалюты по статье 159 УК РФ в совокупности со статьей 272 УК РФ, поскольку исходя из положений пункта 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман или злоупотребление доверием возможно в отношении конкретного лица, а не компьютерной системы, взламываемой при хищении.

И кроме того, мы вновь возвращаемся к тому, что предметом преступления при мошенничестве являются безличные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, к которым криптовалюта не относится, однако учитывая, что криптовалюта, на наш взгляд, должна в судебной практике рассматриваться как иное имущество, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 ГК РФ содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества, а учитывая отсутствие в диспозиции статьи 159⁶ УК РФ обмана в качестве обязательного признака объективной стороны преступления, то наиболее правильной представляется квалификация хищения криптовалюты, совершаемой путем взлома компьютерных систем, в таком случае действия виновного лица полностью охватываются статьей 159⁶ УК РФ без совокупности с другими нормами.

Стоит рассмотреть случаи, когда похищаются определенные виды криптовалюты, существующие в виде инвестиций, например, биткойны, приобретенные на криптовалютных биржах за определенную стоимость.

В этом случае криптовалюта приобретает за вполне реальные деньги, такой ущерб имеет денежное выражение и может быть подтвержден документально (например, для обоснования гражданского иска в уголовном деле).

Так, Следственным отделом ОМВД России по Тверскому району г. Москвы 18 мая 2018 года возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного статьей 158 УК РФ в отношении жителя Подмосковья, который представился потерпевшему сотрудником финансовой организации и предложил ему приобрести криптовалюту за наличный расчет. Заявитель снял со своего счета необходимую сумму и поместил денежные средства в банковскую ячейку, арендованную продавцом. Злоумышленник в подтверждение сделки представил потерпевшему изготовленные заранее скриншоты якобы поступивших на его счет электронных денег. Позже потерпевший выяснил, что крипто-

валюта на его счет не поступила. Вернувшись в банк, он выяснил у персонала, что продавец — не их сотрудник, а аренда ячейки аннулирована. Материальный ущерб составил свыше 11 млн рублей (<https://news.rambler.ru/other/39840096-v-stolitse-operativniki-uvd-po-tsentralnomu-okruguzaderzhali-podozrevaemogo-v-krazhe-denezhnyh-sredstv/>).

В данном примере при наличии обмана лица более правильной будет квалификация по статье 159 УК РФ, поскольку похищена была не криптовалюта, а наличные денежные средства, которые якобы были переведены на счет финансовой организации в криптовалюте.

Таким образом, правильная квалификация хищений, совершаемых в отношении криптовалюты или с ее использованием, будет зависеть от правильного определения предмета преступления и вида причиненного ущерба.

В судебной практике встречаются и иные преступления, совершаемые с использованием криптовалюты.

Так, в 2016—2017 годах различными судами Российской Федерации вынесено более 80 приговоров за совершение преступлений, предусматривающих ответственность за незаконный сбыт наркотических средств и психотропных веществ, осуществляемых за криптовалюту через специальные интернет-ресурсы и приложения.

По 12 уголовным делам действия виновных дополнительно были квалифицированы по статье 174¹ УК РФ (Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления), из них по двум уголовным делам подсудимые по статье 174¹ УК РФ были оправданы в связи с отсутствием в деянии состава преступления, а еще по четырем уголовным делам государственный обвинитель отказался от обвинения по тем же основаниям.

Судами в своих решениях, выражая согласие с позицией государственного обвинителя, указывалось, что предметом преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ, являются денежные средства или иное имущество, приобретенные в результате совершения преступления. Поскольку данное преступление относится к преступлениям в сфере экономической деятельности, его обязательным признаком является цель вовлечения денежных средств, полученных в результате совершения преступления, в легальный экономический оборот, при этом совершение финансовых операций с денежными средствами, полученными преступным путем, в целях личного потребления не

образует состава преступления, предусмотренного статьей 174¹ УК РФ (приговор Верховного Суда Республики Крым от 28 марта 2017 г. по делу № 2-5/2017 в отношении К. по ч. 2 ст. 210, ч. 5 ст. 228¹, ч. 2 ст. 174¹ УК РФ; приговор Калининского районного суда г. Чебоксары (Чувашская Республика) от 16 ноября 2017 г. по делу № 1-367/2017 в отношении С. по ч. 2 ст. 228¹, п. «а» ч. 4 ст. 174¹ УК РФ).

На наш взгляд, усложненная схема извлечения преступного дохода при совершении сбыта наркотических средств за криптовалюту свидетельствует лишь о наличии в действиях виновных лиц оконченного состава преступления, предусмотренного статьей 228¹ УК РФ, и о получении денежных средств за наркотические средства в целях личной выгоды.

Данные положения следуют из разъяснений, содержащихся в пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем», согласно которым о направленности умысла на легализацию денежных средств не свидетельствует распоряжение ими в целях личного потребления (приобретение товаров, получение услуг).

Таким образом, представляется необоснованной квалификация по статье 174¹ УК РФ за совершение действий, связанных с переводом криптовалюты, полученной за сбыт наркотических средств, в денежные средства, которые в последующем были потрачены виновными на личные нужды или по собственному усмотрению (см. приговоры Ленинского районного суда г. Саранска (Республика Мордовия) по делам № 1-125/2017 от 3 июля 2017 г., № 1-102/2017 от 15 июня 2017 г.; № 1-87/2017 от 19 апреля 2017 г.; приговор Октябрьского районного суда г. Саранска от 16 октября 2017 г. по делу № 1-301/2017; приговор Ленинского районного суда г. Воронежа от 14 августа 2017 г. по делу № 1-181/2017).

Доказательства поступления денежных средств на расчетные счета подсудимых и операции движения денежных средств по счетам после обмена криптовалюты на рубли свидетельствуют о получении виновными преступного дохода, а проведенные финансовые операции были направлены на то, чтобы иметь реальную возможность распорядиться полученными деньгами. Использование банковских карт, оформленных на посторонних лиц, подтверждает лишь факт конспирации в их действиях.

Для установления состава легализации денежных средств, приобретаемых лицом в результате совершения им преступления, необходимо выяснять, куда и каким образом были потрачены денежные средства. В случае если обвинение не содержит конкретизации трат и отсутствуют сведения о целях придания правомерности владения деньгами, полученными в результате совершения преступления, лицо подлежит оправданию по указанной статье в связи с отсутствием в его действиях состава преступления.

Подводя итоги наиболее распространенным ошибкам в правоприменительной практике относительно квалификации деяний, совершаемых в отношении криптовалюты либо с использованием криптовалюты, следует отметить, что отсутствие правового регулирования криптовалютных отношений не дает оснований полагать, что преступные посяательства в этой сфере не будут совершаться, наоборот, объем этих преступлений только увеличивается, при этом имея высокий уровень латентности ввиду того, что правоохранительные органы не в полной мере обладают специальными познаниями и методами расследования указанных преступлений.

В авангарде создания правильной судебной практики должны находиться именно суды, единообразные решения которых позволяют органам предварительного расследования давать правильную юридическую оценку деяниям, совершаемым в сфере оборота криптовалюты.

Таким образом, исходя из изложенного, можно сделать выводы о том, что, принимая решение о наличии либо об отсутствии в деяниях о хищении криптовалюты признаков состава преступления, следует в первую очередь устанавливать наличие и вид ущерба, причиненного преступлением. Так, в случае если похищена криптовалюта путем взлома компьютерных систем, то действия надлежит квалифицировать по статье 159⁶ УК РФ (Мошенничество в сфере компьютерной информации), в случае же хищения денежных средств, потраченных на приобретение криптовалюты в качестве инвестиций, либо перевод денежных средств виновному лицу путем обмана, то действия виновных подлежат квалификации по статье 159 УК РФ (Мошенничество).

Действия виновных, связанные со сбытом наркотических средств и психотропных веществ за криптовалюту, и последующие действия по переводу криптовалюты в денежные средства дополнительной квалификации по статье 174¹ УК РФ не требуют.

Примечания

1. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты // *Lex Russica*. 2018. № 10 (143). С. 116—128.
2. Кучеров И.И. Криптовалюта как правовая категория // *Финансовое право*. 2018. № 5. С. 3—8.
3. Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М.: Статут, 2016. 640 с.
4. Яни П.С. Посягательство на собственность. М., 1998. 64 с.
5. Хиллута В.В. Хищение: понятие, признаки, проблемы квалификации: монография. Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2011.
6. Хидзев А.Т. Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия // *Право и современные государства*. 2014. № 4. С. 10—15.
7. Сидоренко Э.Л. Криптовалюта как новый юридический феномен // *Общество и право*. 2016. № 3 (57). С. 193—197.
8. Савельев А.И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон*. 2017. № 8. С. 136—153.
9. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. М.: Международный юридический институт, 2012.
10. Гладких В.И., Курчев В.С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под общ. ред. В.И. Гладких. М.: Новосибирский государственный университет, 2015.

References

1. Dolgieva M.M. Foreign experience of legal regulation of relations in the sphere of cryptocurrency. *Lex Russica*, 2018, no. 10 (143), pp. 116—128. (In Russ.)
2. Kucherov I.I. Cryptocurrency as a legal category. *Financial law*, 2018, no. 5, pp. 3—8. (In Russ.)
3. Savelyev A.I. Electronic Commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2-e ed. Moscow: Statute Publ., 2016. 640 p. (In Russ.)
4. Jani P.S. Trespass on property. Moscow, 1998. 64 p. (In Russ.)
5. Khiluta V.V. Cryptocurrency: concept, signs, problems of training: monograph. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno, 2011. (In Russ.)
6. Khidzev A.T. Cryptocurrency: legal approaches to the formation of the concept. *Law and modern States*, 2014, no. 4, pp. 10—15. (In Russ.)
7. Sidorenko E.L. Cryptocurrency as a new legal phenomenon. *Society and law*, 2016, no. 3 (57), pp. 193—197. (In Russ.)
8. Savelyev A. I. cryptocurrency in the system of objects of civil rights. *Law*, 2017, no. 8, pp. 136—153. (In Russ.)
9. Russian criminal law. Special part: textbook / ed. by V.I. Gladkikh. Moscow: International law Institute Publ., 2012. (In Russ.)
10. Gladkikh V.I., Kurcheev V.S. Criminal law of Russia. General and Special parts: textbook / under the gen. ed. V.I. Gladkikh. Moscow: Novosibirsk state University Publ., 2015. (In Russ.)